

А. П. КАЖДАН

„ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ“ ВАСИЛИЯ МЕДНОЙ РУКИ

Работы современных буржуазных византинистов проникнуты открытым идеализмом. „Для историков Византии, — утверждает, например, Г. Острогорский, — основным вопросом является вопрос, как... греко-христианский дух жил и развивался в римской форме, насколько он сумел себе эту форму подчинить и насколько сам ей подчинился и к ней применился“.¹ Выразителями этого духа, а следовательно, с этой точки зрения, и творцами исторического процесса оказываются в изображении буржуазных византинистов отнюдь не народные массы, не классы, но великие личности. Поэтому история Византии рассматривается буржуазной историографией обычно как история византийских императоров. „В Византии, — писал С. Ренсимен, — где все управление было сосредоточено в руках императора, его жизнь и характер играли определяющую роль. Остальные элементы могли иметь известное значение, представляя собой материал, из которого он творил, и орудия для его рук, — но судьба империи зависела от него, от его способностей или непригодности, мощи или слабости“.²

Буржуазные византинисты не видят и не хотят видеть того, что „история общественного развития есть... история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества“.³ Тем менее хотят они понять, что развитие общества протекает в условиях ожесточенной классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, — ее они подменяют борьбой отвлеченных понятий: деспотизма и феодальной „свободы“, императорской власти и церкви и т. п.

Особенно большую историческую роль буржуазные византинисты отводят императорам Македонской династии: Роману Лекапину, Никифору Фоке, Иоанну Цимисхию, Василию II. Их деятельности и талантам буржуазные византинисты приписывают внешнеполитический подъем империи в X в. Этих императоров они изображают как защитников „всеобщего блага“, как покровителей слабых и бедных,⁴ подчеркивают их „гуманные меры“ в защиту мелкого землевладения.⁵ Государство

¹ Г. Острогорский. Отношения церкви и государства в Византии. „*Seminarium Kondakovianum*“, IV, 1931, стр. 122.

² S. Runciman. *Emperor Romanus Lecapenus and his reign*. Cambr., 1929, p. 10.

³ „История ВКП(б). Краткий курс“, стр. 116.

⁴ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ч. ССII, 1879, стр. 168.

⁵ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. ССXXV, 1883, стр. 33.

этого периода изображается как отвлеченная надклассовая сила, якобы защищающая мелкое землевладение и борющаяся „во имя общего блага“ с магнатами.¹

Изображая императоров Македонской династии защитниками „всеобщего блага“ и мелкого землевладения, буржуазные историки, разумеется, закрывают глаза на ожесточенную классовую борьбу, имевшую место в это время в Византийской империи и определившую те мизерные реформы, которые восторженные поклонники самодержавия объявили „гуманными мерами“ человеколюбивых императоров. Одним из важнейших моментов классовой борьбы этого периода явилось „великое восстание“ под руководством Василия Медной руки, изучением которого пренебрегают буржуазные византилисты: в специальной монографии Ренсимена, посвященной истории императора Романа Лекапина, мы не находим даже упоминания об этом восстании. Только советские ученые (М. В. Левченко) затрагивали, хотя и бегло, этот вопрос в своих работах.²

Источники

Сведения о восстании Василия чрезвычайно скудны. О нем рассказывает лишь так называемая хроника Симеона Логофета, представляющая собой продолжение хроники Георгия Мниха (Амартола) и охватывающая период от 843 до 948 г. Написанная современником Романа Лекапина³ и завершенная, как это доказал В. Г. Васильевский,⁴ не позднее 963 г., эта хроника дошла до нас в трех редакциях.

Первая редакция представлена московской и парижской рукописями Георгия Мниха, а также так называемыми хрониками Льва Грамматика и Феодосия Мелитинского. К ним близок второй извод этой редакции, представленной славянским Логофетом⁵ и некоторыми неизданными греческими рукописями.⁶ Ватиканская рукопись Георгия Мниха (Vatic. 153), изданная В. М. Истриным,⁷ представляет собой вторую редакцию. Текст этой редакции в интересующей нас части был положен в основу хроники продолжения Феофана.⁸ Наконец, третья редакция представлена одной парижской рукописью (Paris, 1712), которая была издана Комбефисом под именем Симеона Магистра и получила впоследствии наименование хроники Псевдо-Симеона.

¹ S. Runciman, op. cit., p. 225; G. Ostrogorsky. The peasant's pre-emption right. „Journal of Roman Studies“, XXXVII, 1947, p. 117.

² М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 162.

³ F. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 80 ff.

⁴ В. Г. Васильевский. Два надгробных стихотворения Симеона Логофета. „Византийский Временник“, III, 1896, стр. 576.

⁵ В. И. Срезневский. Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и летописи собран от различных летописец. СПб., 1905. См. о нем: В. Г. Васильевский. Хроника Логофета на славянском и греческом. „Византийский Временник“, II, 1895, стр. 78—151; Г. Острогорский. Славянский перевод хроники Симеона Логофета. „Seminarium Kondakovianum“, V, 1932, стр. 17—37.

⁶ О Paris. 854 — см. С. Шестаков. Парижская рукопись хроники Симеона Логофета. „Византийский Временник“, IV, 1897, стр. 167—183; о Vatic. 1807 — С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета. „Византийский Временник“, V, 1898, стр. 19—28. Ср. еще С. de Boor. „Byzantinische Zeitschrift“, IV, 1897 и X, 1901.

⁷ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха, т. II, Петроград, 1922. Известие о восстании 932 г., стр. 59, 22—36.

⁸ F. Hirsch, op. cit., S. 41 ff.

Известие об интересующем нас восстании передано в первых двух редакциях в распространенной версии, тогда как в Paris, 1712 рассказ подвергся значительному сокращению. Хроника Скилицы-Кедрина передает вслед за продолжателем Феофана распространенную версию.¹ В других хрониках сведений о восстании нет. В частности, Зонара, опуская рассказ Скилицы об этом восстании, вставляет на его место подробное повествование о низложении малограмотного патриарха Трифона, которого обманом заставили подписать отречение.² Рассказ этот вводится словами: „ἀναβεβλήσθη δὲ περὶ τοῦτων διήγησις“, свидетельствующими о том, что данное место Зонары является вставкой.

Замена рассказа о крестьянском восстании анекдотом о патриархе Трифоне показывает нам тенденцию византийских хронистов, стремившихся стереть память о возмущениях народных масс.

При оценке хроники Симеона Логофета необходимо помнить, что автор был несомненным политическим сторонником императора Романа Лекапина: он подчеркивает мужество императора при виде болгарских полчищ и заставляет самого болгарского царя Симеона хвалить перед своими „мегистанами“ разум и скромность византийского императора; Логофет прославляет Романа за заботливость, проявленную им в трудные годы голода. Рассказывая о поражении византийцев при Ахелое, Логофет умалчивает о виновнике этого поражения, хотя из сообщений Льва Диакона (стр. 124—125) и Лиутпранда (Antapodosis III, 27) мы знаем, что этим виновником был Роман, Лекапин.

Чрезвычайно сдержан Логофет в отношении провинциальной знати: он совершенно умалчивает о деятельности Никифора Фоки, старшего при Льве VI, которая известна нам по другим источникам;³ коротко и глухо говорит о победах Иоанна Куркуаса; резко осуждает Константина Дуку. Все это позволяет предположить, что Логофет принадлежал к придворным кругам, которые с опаской смотрели на рост могущества провинциальной феодальной знати.

Экономическое и политическое положение в Византии накануне восстания

Экономическое положение Византийской империи в начале X в. было чрезвычайно тяжелым. Византийское крестьянство при Романе Лекапине изнемогало под бременем податей. Это заставило Константина VII немедленно после низложения сыновей Романа Лекапина провести некоторые снижения податей. „Император слышал, — рассказывает продолжатель Феофана, — о несправедливостях и поборах, которым подвергались при его тесте Романе несчастные и почтенные „убогие“ со стороны стратигов и протонотариев, воинов и всадников, и он послал благочестивых и почтенных мужей, чтобы облегчить (κομίσαι) огромное бремя податей, взимавшихся с несчастных бедняков“.⁴

Агиографическая литература постоянно упоминает сборщиков податей: об их жестокости говорят еще жития IX в.: Георгия Амастридского, Филарета Милостивого, Григория Декаполита. Житие Феоклита

¹ Cedrenus II, 315. 6—21.

² Zonarae. Epitome historiarum, ed. L. Dindorf, IV, 1871, p. 62.2—63.5.

³ А. А. Васильев. Византия и арабы за время Македонской династии. СПб., 1902, стр. 118 и сл.

⁴ Theophanes Continuatus. Chronographia, ed. J. Bekker, Bonn, 1838, p. 443.

(ум. 879), написанное, скорее всего, в X в., осуждает практоров, своекорыстно проводивших подсчет скота.¹ Особенно интересно известие жития Марии Новой (ум. 902), написанного в середине X в.: в нем рассказывается о диоикете, который заключал в тюрьму бедных крестьян, оказавшихся не в состоянии заплатить тяжелые налоги.²

Агиографическим памятникам вторит трактат *De velitatione bellica*, который повествует о жалких людишках — сборщиках податей, подвергающих побоям стратиотов и „убогих“ и извлекающих для себя из крови бедняков многие таланты золота.³

Византийские крестьяне обязаны были в это время, помимо уплаты разнообразных денежных поборов, выполнять натуральные и отработочные повинности. Они должны были поставлять хлеб в города, снабжать императорский двор рыбой и другими продуктами, содержать войска и чиновников, едущих по государственным делам, строить укрепления; они же выполняли ямскую повинность, и из их среды рекрутировалась византийская армия.

В поисках спасения от бремени податей и военной службы крестьяне и стратиоты нередко покидали родные места. Об этом постоянно говорят памятники X в. С бегством крестьян от тяжести податей вынужден был считаться даже „Трактат об обложении“, рекомендуемый в некоторых случаях уменьшать поземельную подать. Акты X в. повествуют о бегстве стратиотов, просодиариев (плативших подать натурой) и государственных париков, которые скрывались на землях архонтов и церквей.⁴ Особенно много сохранилось известий о бегстве стратиотов. В одном из писем патриарха Николая Мистика упоминается дезертирство из армии.⁵ В житии Павла Латрского рассказывается о 10 стратиотах, которые были схвачены по приказу начальника фемы за то, что уклонялись от „общей литургии“. Новелла императора Романа II устанавливает строгое наказание и для беглых стратиотов и для тех, кто принимает их в своих владениях.⁶

В борьбе против угнетения крестьяне далеко не всегда ограничивались бегством. Часто они создавали вооруженные отряды, о которых рассказывают жития X в. В житии Павла Латрского мы находим рассказ о крестьянах, которые бродили по дорогам в районе Милета и грабили богатых; войскам удалось в конце концов схватить их, но Павел Латрский вынужден был взять этих крестьян под свою защиту, так как симпатии населения были на их стороне.⁸ Из жития Никона Метаноите мы узнаем о том, что вблизи от Спарты в X в. существовало несколько непокорных деревень, население которых занималось, по выражению агиографа, „разбоем“.⁹

Тяжесть податей и жестокость податных сборщиков толкала византийского крестьянина в цепкие лапы ростовщиков. Об отчаявшемся бедняке, задолжавшем 10 номисм, рассказывает житие Евстратия

¹ N. Vées. Vie de S. Théoclète, évêque de Lacédemoine. „Византийское обозрение“, II, 1916, Прилож. № 1, стр. 31. 22—27.

² Vita S. Mariae Junioris, ed. P. P(eeters), AASS, Novembris, IV, p. 593 D.

³ Издано вм. с Leo Diaconus. Historia, ed. Hasii, Bonn, 1828, p. 230. 23.

⁴ Александр Лаврский. Ἀδωίτις Στοά. „Византийский Временник“, V, 1898, стр. 488. 2.

⁵ Migne. Patr. gr., v. CXI, col. 276 B.

⁶ Analecta Bollandiana, XI, 1892, 63—64.

⁷ E. Zachariae von Lingenthal. Jus Gr.-Rom., III, 286. 22.

⁸ Analecta Bollandiana, XI, 1892, 179.

⁹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 221.

Авгарского (Агаврского);¹ в житии Филарета Милостивого² и в стихотворениях поэта X в. Иоанна Геометра³ мы встречаем жалобы крестьян на непосильное бремя долгов, заставляющее их бросать родные края и бежать от ростовщиков, подобных диким зверям.

Маркс указывает, что „ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочной стоимости из своей жертвы, стремится затем мало-помалу приобрести титул собственности на самые условия его труда, на землю, дом и т. д., и постоянно занимается такой его экспроприацией...“⁴ Византийские крестьяне, лишённые земли или бежавшие от податей, превращались в бездомных бродяг, стекались в города, вымаливая себе подавание на папертях церквей. Другие становились мистиями, нанимавшимися к крупным землевладельцам и городским мастерам. Положение мистиев было очень трудным, так как им приходилось выдерживать конкуренцию дешевого рабского труда. Не удивительно, что заработок наемного ремесленника был даже ниже, нежели милостыня, которую собирал нищий, стоявший на „хорошем“ месте.⁵

Рабский труд все еще продолжал сохраняться в Византии X в. В той или иной степени он находил применение как в ремесле, так и в сельском хозяйстве. „Книга епарха“ свидетельствует о наличии рабов у константинопольских ремесленников; „Трактат об обложении“ говорит о рабах и мистиях, которые живут в поместье и обрабатывают его.⁶ Особенно много было рабов-челядинцев.

Многочисленные византийские источники рассказывают об оживленной работорговле X в. Особенно важным является свидетельство новеллы Иоанна Цимисхия, из которой мы узнаем, что стратиготы не только продавали военнопленных на поле сражения, но и отвозили их в византийские эмпории для продажи; архонты же, стремясь купить рабов по более дешевой цене, посылали своих людей в районы военных действий.⁷ Кроме того, рабов поставляли в империю болгары и венецианцы.

Обращение с рабами было крайне жестоким. Фотий рассказывает о некоем вельможе, который был палачом для своих рабов.⁸ Из жития Андрея Юродивого мы узнаем о другом вельможе, который обрекал своих рабов на голод и жажду, лишал хитонов и обуви, подвергал бичеванию.⁹ Повидимому, и в это время все еще оставалось в силе постановление Эклоги (XVII, 49), освобождавшее господина от ответственности за убийство раба, если оно было совершено во время „обычного“ наказания раба ремнями или палками.

Рабы нередко поднимали восстания. Особенно крупное возмущение рабов произошло в конце IX в., когда рабы Асилеона, близкого родственника императора Василия I, подняли восстание, вооружились мечами и убили своего господина, жестокости которого они не могли

¹ A. Papadopoulos-Kerameus. 'Ανάλεκτα τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας, IV, 378. 3.

² А. А. Васильев. Житие св. Филарета Милостивого. „Известия Русск. археол. ин-та в Константинополе“, V, 1900, стр. 66, 24.

³ Migne. Patr. gr., v. CVI, col. 957 A.

⁴ К: Маркс. Капитал, т. III, 1938, стр. 526.

⁵ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 130.

⁶ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 115. 40.

⁷ E. Zachariae von Lingenthal. Jus Gr.-Rom., III, 302, 9—32.

⁸ A. Nauck. Lexicon Vindobonense, СПб. 1867, p. 224. 14.

⁹ Migne. Patr. gr., v. CXI, col. 725 B.

перенести. Восстание было безжалостно подавлено, восставшие рабы сожжены.

Не играя уже решающей роли в экономике X в., рабство, однако, содействовало ухудшению положения трудящихся масс империи, накладывая свой отпечаток и на новые, феодальные формы эксплуатации.

VIII—X вв. были временем быстрого роста и укрепления феодального поместья. Именно в этот период приобретают громадное влияние многочисленные знатные роды: Фоки, Склиры, Дуки, Куркуасы, Аргиреи, Малены и пр. В своих владениях они эксплуатировали труд зависимых крестьян, обозначавшихся термином *προσκατήμενοι*.¹ Императоры передавали светской и духовной знати право на сбор податей с крестьян, превращая тем самым крестьян в частновладельческих париков феодальной знати. В то же время феодалы стремятся к расширению своих владений, скупая крестьянские наделы и просто сгоняя крестьян с земли. Новелла Романа Лекапина рисует такую картину захватов и насилий, чинимых феодальной знатю: феодалы, опираясь на своих рабов и мистиев, вторгаются в деревню; сгоняют крестьян с земли, облагают их барщиной.²

Укрепление феодальной знати в провинциях вызывает сопротивление со стороны определенной части господствующего класса. В среде константинопольского чиновничества было немало людей, не связанных с провинциальной феодальной знатю и вышедших из торгово-ремесленных кругов, из богатых клириков и т. д. Богатство, позволившее купить придворный чин, физическая сила или находчивость, обратившая на себя внимание императора, поднимали иной раз человека на высшие ступени социальной лестницы, и бывший конюх мог стать императором. Подобное чиновничество, зависевшее в значительной мере от императорских щедрот, было заинтересовано в сохранении свободного (в феодальном смысле слова) крестьянина, платившего подати, за счет которого оно в значительной мере существовало. Поэтому между провинциальной феодальной знатю и столичным чиновничеством завязывается внутриклассовая борьба: борьба за крестьянскую ренту, за право обирать и грабить крестьянина.³

Таким образом, мы видим, что в Византии в начале X в. имел место ряд противоречий: шла упорная борьба между крестьянами и наступавшими на них феодалами; между рабами и рабовладельцами; между мистиями и цеховыми мастерами, а также борьба внутри господствующего класса — между столичной и провинциальной знатю.

Обострению этой борьбы, несомненно, содействовал внешнеполитический кризис, который переживала Византийская империя с конца IX в. Поэтому не удивительно, что в начале X в. вспыхивают возмущения, — нарастает движение против Византийского феодального государства.

Голод 928 г.

Тяжесть положения народных масс Византийской империи была особенно усугублена неурожаем 928 г. и последовавшим за ним голодом.

¹ G. Rouillard—P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 2. 22.

² E. Zachariae von Lingenthal, op. cit., III, 247, 2—6.

³ Ср. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Ученые записки Свердл. пединститута“, IV, 1948, стр. 58.

Эти бедствия были частыми гостями византийской деревни. О неурожаях постоянно говорят жития IX—X вв. Они рассказывают нам о страшной засухе, когда пересыхают ручьи и реки, блекнут и сохнут цветы, а скот страдает от жажды;¹ о том, как жители 40 деревень, собравшись вместе, творят литании, вымаливая дождь;² о тучах саранчи, уничтоживших уже почти созревший урожай.³ Особенно подробно рассказывает об ужасах голодных лет житие Филарета Милостивого. Из него мы узнаем, что голодающие бедняки питались дикими плодами⁴ и выпрашивали у имущих хотя бы единую пригоршню зерна.⁵ С трудом удавалось какому-нибудь счастливцу достать в долг немного хлеба у „благодетеля“ (φίλος).⁶ Житие Луки Столпника (род. 899) повествует о „великом голоде“, который империя пережила, когда Лука был еще юношей, т. е. примерно лет за 10 до голода 928 г.⁷

Голод 928 г., также названный „великим голодом“, оказался особенно тяжелым. Симеон Логофет рассказывает, что его причиной была чрезвычайно холодная зима. Морозы погубили весь урожай. Смертность населения была так велика, что живые не успевали хоронить мертвых.⁸

Правительство Романа Лекапина вынуждено было проявить известную заботу о монастырях и беспокойном константинопольском населении. Но крестьянству правительство не собиралось помочь: оно не провело даже уменьшения податей.

Крестьяне пытались искать „помощи“ у феодалов и ростовщиков. Но за деньги, необходимые для уплаты податей, за хлеб для семьи крестьянин мог расплатиться только землей. Разумеется, феодалы и ростовщики, пользуясь бедственным положением крестьянства, скупали в это время землю по низкой цене.⁹ Вместе с тем резко усилился процесс перехода крестьян под иго феодальной зависимости: голод заставлял их превращаться из свободных собственников и налогоплательщиков в *προσκαθημένοι*. Возможно даже, что крестьяне оставались на своей земле, получая ее в качестве *precaria oblata*; феодал же выплачивал крестьянину некоторую сумму денег или выдавал хлеб. При таком допущении становится понятным, почему выплаченная феодалами сумма была обычно несравненно ниже действительной цены на землю. Поскольку же византийское крестьянство ни в коей мере не могло быстро оправиться от бедствий 928 г., массовое отчуждение земель бедноты и переход ее в феодальную зависимость очень интенсивно продолжались и в ближайшие годы.

Таким образом, несомненно, что голод 928 г., вызвавший обострение мучительного процесса феодализации, резко усилил недовольство масс и создал непосредственные предпосылки для массового народного восстания.

¹ *Analecta Bollandiana*, XVI, (1897), 152, 2—5.

² *Analecta Bollandiana* XI, (1892), 53, 11.

³ *Analecta Bollandiana*, XVIII, (1899), 236, 27; N. Vées, op. cit., p. 39, 17, AASS, Novembris IV, 639 A—C, *Analecta Bollandiana*, XXV, (1906), 70, 18—20.

⁴ А. А. Васильев, цит. соч. „Известия Русск. археол. ин-та в Константинополе“, V, 1900, 73, 78. М.-Н. Fourmy—M. Leroу, „Byzantion“, IX, 1934, 133, 8.

⁵ А. А. Васильев, цит. соч., стр. 72, 7; М.-Н. Fourmy—M. Leroу, op. cit., p. 131, 5.

⁶ А. А. Васильев, цит. соч., стр. 72, 2—4; М.-Н. Fourmy—M. Leroу, op. cit., p. 131, 2—3.

⁷ *Analecta Bollandiana*, XXVIII, (1909), 19, 8.

⁸ *Theophanes Continuatus*, p. 908—909.

⁹ E. Zachariae von Lingenthal, op. cit., III, 247, 23—24.

Дата восстания

Хроника Симеона Логофета не определяет даты восстания,¹ но дает некоторые основания для ее определения.

В качестве *terminus post quem* поп выступает дата рукоположения в патриархи сына Романа Лекапина — Феофилакта: об этом событии Логофет рассказывает уже после сообщения о подавлении восстания. С другой стороны, изложение истории восстания дано в хронике вслед за рассказом о низложении патриарха Трифона.

По традиционной датировке, опирающейся на чин хиротонии Феофилакта, сохранный в книге Константина Багрянородного „О церемониях“ (II, 38), рукоположение Феофилакта состоялось 2 февраля 933 г.,² а низложение Трифона произошло примерно за 17 месяцев до этого, т. е. в середине 931 г.³ В таком случае наиболее вероятной датой восстания является 932 г., хотя не исключена возможность, что оно продолжалось более года и началось еще до низложения Трифона.

Иную датировку смены патриархов находим мы в книге Ренсимиена „Роман Лекапин“, где низложение Трифона отнесено к августу 930 г., а рукоположение Феофилакта — к октябрю 931 г.⁴ При этой датировке наиболее вероятным годом восстания придется признать 931 г. Не вдаваясь сейчас в обсуждение вопроса, насколько убедительно обоснована датировка Ренсимиена, надо подчеркнуть, что и в этом случае мы точно так же должны будем рассматривать голод 928 г. как непосредственную предпосылку восстания.

Начало восстания

О начале восстания хроника Логофета сохранила следующее краткое известие. Некто Василий из Македонии, которого хроника называет шарлатаном (πλάγος), принял имя Константина Дуки и объединил вокруг себя многих людей (πολλοὺς μεθ' ἑαυτοῦ συνεπηγέτο),⁵ социальной характеристики которых хроника не дает. Он был схвачен турмархом Опсикия Элефантином, отправлен в Константинополь, предан суду градского епарха и приговорен к отсечению руки. Приговор был приведен в исполнение.

Следовательно, восстание вспыхнуло в феме Опсикий в Малой Азии. Во главе этого восстания стал человек родом из Македонии. Естественно, возникает вопрос, каким образом Василий из Македонии мог оказаться в Опсикии. К сожалению, никаких прямых данных по этому вопросу в наших источниках не содержится. Но на основании некоторых косвенных указаний можно высказать следующее предположение. Известно, что в IX—X вв. в Македонии жило немало славянских племен, отличавшихся воинственностью. Об этом достаточно подробно говорится, например, в житии Григория Декаполита.⁶ Об

¹ М. В. Левченко (цит. соч.) относил это восстание ко времени Константина VII.

² J. Hergentröther. Photius, III, 705 ff.; A. Vogt. *Analecta Bollandiana*, XVIII, (1909), p. 34, n. 1; М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—934 гг. „Византийский Временник“, I (XXVI), 1947, стр. 238.

³ М. А. Шангин, цит. соч., стр. 237.

⁴ S. Runciman, op. cit., p. 76.

⁵ Theophanes Continuatus, p. 912, 7.

⁶ F. Dvornik. *La vie de S. Grégoire le Décapolite et les Slaves macédoniens au IX-e siècle*. Paris, 1926, p. 54, 24; 61, 28.

этом же говорит и Лиутпранд, рассказывая о солунских славянах, восставших против императора.¹ Есть сведения, что во время осады Солуни арабами в 904 г. стратиг Стримона пригласил славян как опытных лучников для защиты города.² Число таких примеров можно было бы значительно умножить. Известно, кроме того, что часть македонских и фракийских славян (σλαβητικοί), завербованных в византийскую армию, находилась в первой половине X в. в феме Опсикий и принимала участие в критском походе 949 г.³

Весьма возможно поэтому, что Василий, поднявший восстание в Опсикии, происходил из македонских (или фракийских) славян и служил империи как наемный воин. Его деятельность в качестве военного руководителя восстания дает основания для такого предположения.

Хроника сообщает далее, что Василий принял имя Константина Дуки, византийского полководца, погибшего в 913 г. при попытке узурпировать императорскую власть. Это сообщение имеет важное значение для социальной характеристики восстания Василия.

Дело в том, что Константин Дука принадлежал к знатному малоазиатскому роду Дук, неоднократно стремившемуся захватить императорский престол. При этом Дуки постоянно старались использовать в своих целях недовольство константинопольской бедноты и для этого пытались привлечь ее на свою сторону. Например, еще в 906—907 гг., когда отец Константина Андроник поднял восстание против Льва VI, он заключил соглашение с патриархом Николаем Мистиком, пользовавшимся, по словам жития патриарха Евфимия, поддержкой „нищего народа“ (ἀγυρτοὶ λαοί),⁴ простых и нищих людей (δουλοὶ καὶ ἀγυρτοὶ);⁵ Николай Мистик был поставлен на патриарший престол толпой „торговцев и поваришек, вооруженных палками и дубинами“.⁶

Константин продолжал политику отца: прежде чем вступить в Константинополь, он тоже пытался заключить союз с Николаем Мистиком. И хотя Николай вскоре порвал со своим союзником и перешел на сторону „законного“ императора — малолетнего Константина VII, народные массы Константинополя поддержали Дуку. Об этом свидетельствует размах репрессий над участниками движения. Житие Василия Нового, правда склонное к преувеличениям, но, несомненно, написанное современником событий, насчитывает до трех тысяч погибших и казненных.⁷ Многие из них были посажены на кол.

После поражения восстания 913 г. народные массы забыли о своих корыстных стремлениях Дук и сохранили память о Константине как о смелом и доблестном воине, честном и справедливом человеке. Эта народная традиция восстания 913 г. лучше всего сохранена в житии Василия Нового: здесь раскрывается перед нами ставший сказочным образ Константина, который мчит на коне против арабов, с его оружия срывается пламя, и никто не может устоять перед византийским витязем; здесь рассказывается и о том, что он не хотел

¹ Antapodosis, III, 24.

² J. Cameniat. De exc. Thess., p. 514, 14—16.

³ Constantini Porphy. De cerim. II, 45 (ed. Bonn., p. 666, 15 et aliis).

⁴ Vita Euthymii, ed. C. de Boor, Berlin, 1888, p. 61, 24.

⁵ Ibid., p. 66, 12.

⁶ Ibid., p., 68, 12.

⁷ С. В и л и н с к и й. Житие Василия Нового. „Ученые записки Новоросс. ун-та. Истор.-филол. ф-т“, VII, 1911, стр. 294, 30.

допустить кровопролития в Константинополе и запретил своим войнам во время штурма дворца обнажать оружие.

Народная традиция, своеобразно искажившая истинное лицо смелого узурпатора, создала светлый образ могучего защитника народа, народного вождя — этим и объясняется, почему Василий из Македонии, подняв восстание, принял это имя и почему оно привлекло под его знамена многочисленных сторонников.

Византийское правительство придало большое значение восстанию Василия из Македонии: против него были двинуты регулярные войска во главе с турмархом; взятый в плен, Василий был предан суду высшего чиновника Константинополя — градского эпарха.

„Великое восстание“

Первая неудача не сломила, однако, энергии Василия из Македонии. Как свидетельствует Симеон Логофет, Василий, вернувшись в Опсикий, изготовил себе медную руку, к которой был прикреплен меч огромной величины. Затем он собрал вокруг себя толпу „нищих“ (τῶν ἁγυρτεῶν τῶν πολλούς), убедив их, что он — Константин Дука. С этими людьми он начал „великое восстание“ (μεγάλην ἀνταρσίαν) против государства ромеев.¹

Хроника Логофета очень нечетко определяет социальный характер восстания, однако она употребляет тот же термин, которым житие патриарха Евфимия обозначало „торговцев и поваришек“, бывших сторонниками патриарха Николая Мистика. Весьма вероятно, что городское плебейство приняло участие в восстании 932 г. Но несомненно, что массовость его была обусловлена широким участием крестьянства.

Восставшие захватили крепость, которая называлась Πλατεῖα πέτρα; в ней хранились различные сорта съестных припасов.² По всей вероятности, эта крепость служила центром, куда стекались натуральные подати крестьян. Подчеркивание хронистом захвата крепости, богатой съестными припасами, подтверждает, что восстание 932 г. было теснейшим образом связано с „голодными бунтами“, которые порождал неурожай 928 г.

Укрепившись в Πλατεῖα πέτρα, восставшие стали совершать отсюда рейды, которые, по словам Логофета, сводились к ограблению первых попавшихся людей.³ Едва ли можно сомневаться, что это утверждение является неискusной клеветой хрониста, стоящего на защите интересов Романа Лекапина и его двора: повидимому, восставшие крестьяне, объединившиеся вокруг Василия из Македонии, нападали на феодалов и чиновников, грабили феодальные поместья.

Против восставших император Роман Лекапин двинул войско. Хронист не рассказывает о борьбе восставших с императорскими войсками; он удовлетворяется замечанием, что Василий и его сторонники были схвачены. Снова отважный бунтовщик с медной рукой был доставлен в столицу, где его подвергли жестоким пыткам: от него требовали, чтобы он назвал участников восстания (τοὺς στασιώτας).

Дальнейшее поведение Василия показывает, что он был хорошо осведомлен о политической борьбе внутри господствующего класса: чтобы запутать следствие, он показал, что многие из вельмож (πολλούς

¹ Theophanes Continuatus, p. 912, 11—14.

² Ibid., p. 912, 16.

³ Ibid., p. 912, 17.

τῶν ἐν τέλει) были его соучастниками. Эти показания вызвали переполох, началось расследование, которое, впрочем, показало несостоятельность обвинений Василия: знать не была замешана в крестьянском восстании.

Осужденный на смерть, Василий из Македонии был сожжен на Амастрианской площади в Константинополе,¹ подобно тому как были сожжены рабы, убившие в конце IX в. Асилеона.

Заключение

Расправа над Василием не означала окончательного подавления народного движения. Правда, хроника Логофета, единственный источник, содержащий последовательное изложение истории правления Романа Лекапина, ничего не рассказывает о дальнейшем движении народных масс. Но из другого памятника мы узнаем, что летом 934 г. Пелопоннес был охвачен грозным восстанием славянских племен: милингов и езеритов, с которыми упорную борьбу вел стратиг Кринит.² Тяжелым было и внешнеполитическое положение империи в 934 г.: с севера наступали венгры; осенью 934 г. на Византию совершили набег арабы.³

В этих условиях и была издана новелла императора Романа Лекапина, ограничивавшая рост крупного землевладения и требовавшая возвращения крестьянам земель, приобретенных у них после голода 928 г. Она была издана осенью 934 г.⁴

Изучение классовой борьбы в Византии в начале 30-х годов X в. показывает, насколько несостоятельной является теория буржуазных историков о „гуманных мерах“ в защиту мелкого землевладения, якобы проведенных императорами Македонской династии: новелла 934 г., несколько ограничившая беспредельные аппетиты византийской знати, отнюдь не была порождена сознанием долга перед „меньшей братией“, как пытаются изобразить буржуазные византинисты, — ее вырвало у Романа Лекапина народное движение, развернувшееся после „великого голода“ 928 г. Восстание Василия Медной руки было, бесспорно, одним из существеннейших эпизодов этой борьбы.

¹ Ibid., p. 912, 22—23.

² Constantini Porphyrog. De adm. imp., cap. 50. Ср. М. А. Шангин, цит. соч., стр. 247.

³ Vita S. Theodori Euchaitae, ed. H. D(e)lehay(e), AASS, Novembris, IV, 53 A.

⁴ F. Dölger. Corpus der griechischen Urkunden. München, 1924, Bd. I, S. 77.